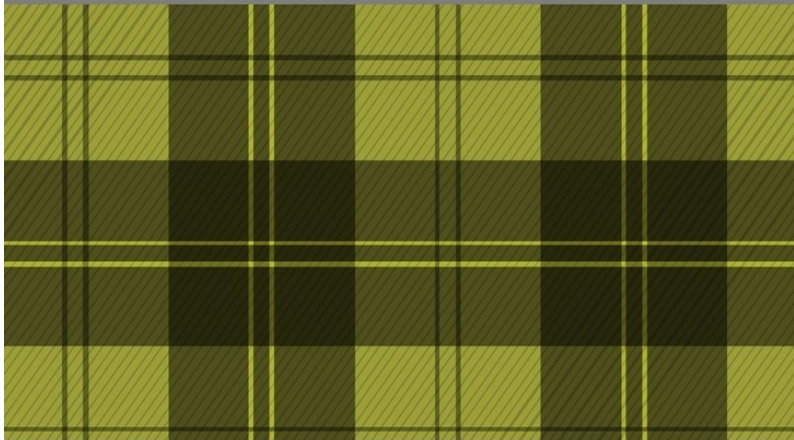

Владимир Янковский

ДЕНЬ ОЖИДАНИЯ

Телероман

Владимир Янковский

День ожидания. Телероман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235177

ISBN 9785448322617

Аннотация

Книга посвящена событиям новейшей истории России. Охватывает временной период от середины XIX века до недалекого будущего – март 2018 года. Действие происходит в России, странах СНГ, США, Израиле. Главный герой – вымышленный персонаж, биография которого сложилась из биографии автора книги и многих известных журналистов страны. На страницах книги встретите известных российских политиков, некоторые фигуры – вымышленные по вполне понятным этическим соображениям.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Часть первая. Прошлое	20
Глава первая. Одинокий реформатор	20
Глава вторая. Экскурсы в будущее и прошлое	27
Глава третья. Наваждение	54
Глава четвертая. Счастье кончилось	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

День ожидания

Телероман

Владимир Константинович

Янковский

© Владимир Константинович Янковский, 2016

ISBN 978-5-4483-2261-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

У Вас в руках – документальный политический детектив, развязка которого происходит в недалеком будущем – весной 2018 года.

Главные герои волею судьбы становятся участниками острой политической гонки – президентских выборов в России 1996 и 2018 годов.

Перед Вами пройдут основные события отечественной истории последних семидесяти лет, от Сталина до сегодняшних дней. Наряду с вымышленными главными героями, вы встретите и реальные фигуры политического бомонда страны: Ельцина, Лебеда, Черномырдина... Некоторые персонажи политического бомонда вымышлены – так например, президент Казбекистана, выведенный в книге под именем Икрама Хамидуллаевича Кадырова. Но в нём легко угадывается ушедший на днях из жизни Президент Узбекистана Ислам Абдуганиевич Каримов...

Действие происходит в основном в последние четверть века, но и переносится порой на значительные временные отрезки, вплоть до 20—80 годов девятнадцатого века, разворачивается в России, США, Франции, Израиле, странах СНГ.

Книга решена в форме телеромана. Она не имеет конца в прямом смысле этого слова, ибо День Ожидания – это день президентских выборов в России, от которых каждый из рос-

сиян всегда ждет очень многого.

Автор.

Пролог

Мне уже за пятьдесят, но это моя первая большая художественная книга. Впрочем, впервые свою фамилию под заметкой в республиканской детской газете я увидел сорок назад, когда учился в седьмом классе. Хорошо помню и свой первый «гонорар» за эту заметку – синяк под правым глазом, ловко поставленный кем-то из старшеклассников за то, что я ославил на всю республику альму матер: в заметке шла речь об одноклассниках, стыдящихся носить пионерский галстук.

Тот «гонорар» сошел довольно быстро, но к десятому классу я был уже в состоянии заплатить два червонца за новогоднюю вечеринку – не только за себя, но и за свою девочку, что показало ей мое будущее финансовое благополучие. Выбор жизненного пути был сделан еще на школьной скамье: я стал журналистом. На полке в моем кабинете стоят сейчас и книги с моей фамилией на обложке. С другой, настоящей фамилией. Книги совершенно иные по тематике: научные и учебно-методические.

Мне не хватило знаний, полученных в университете, и я стал профессиональным историком – окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. «Что тут необычного?» – скажет читатель. Ведь среди писателей всех времен и народов есть и врачи, и инженеры, и разведчики, и учителя, а уж ученых не счесть.

Но абсолютное большинство из них ставит на книгах свою настоящую фамилию, а я – псевдоним. Мне уже приходилось выступать под псевдонимом. Было это в незабвенной студенческой журналистской молодости, когда на газетную полосу местной «Вечерки» попадало сразу несколько моих материалов. Редактор отдела просила выбрать псевдоним. Я решил сделать подарок моей тогдашней симпатии, позвонил ей на работу и спросил, хочет ли она убедиться, что я принадлежу ей? «Хочу!» – потребовала моя прелестница, и вечером, на свидании, я протянул ей пахнущий типографской краской номер, в котором стояла статья, подписанная «Владимир Лидин». Лида онемела от восторга и молча целовала мои ждущие губы. Редактор, усмехнувшись, посоветовала мне не менять пассию. «Не дай Бог твою девушку звали бы Лена... Никто бы не разрешил тебе псевдоним «Владимир Ленин», – с долей тонкой иронии прокомментировала мой псевдоним Надежда Васильевна.

В этот раз я поставил псевдоним на рукопись моей первой художественной книги по просьбе жены. Она случайно зашла на этот файл в нашем домашнем компьютере, когда я был на работе. К моему приходу на столе лежала «Комсомолка» с подчеркнутыми строками: «... за последние годы было отстреляно около двадцати издателей: кого в машине взорвали, кого застрелили. Кое-кто из авторов, взявшихся за написание публицистических и художественных книг на нашумевшие темы (убийство В. Листьева, коррупция в ЗГВ

и т.п.) просто бесследно исчез. В этой сфере крутятся чудовищные деньги, порождающие не менее масштабный криминал. Но никто не выносит ссор из избы – бояться».

«Господи, – упрекала она меня за вечерним чаем, – все люди как люди, пишут об актуальном, увлекательно. Хочешь прославиться – учись у классика. Вот Антон Павлович, который «сестра таланта» – жена пододвинула мне «1002 ночи любви», выпущенную издательством «Гелиос». Я открыл любезно заложенную ею страницу:

«Когда из любопытства употребляешь японку, то начинаешь понимать Скальковского, который, говорят, снялся на одной карточке с какой-то японской блядью. Комнатка у японки чистенькая, азиатско-сентиментальная, уставленная мелкими вещичками, ни тазов, ни каучуков, ни генеральских портретов. Постель широкая, с одной небольшой подушкой. На подушку ложитесь вы, а японка, чтобы не испортить себе прическу, кладет под голову деревянную подставку. Затылок ложится на вогнутую часть. Стыдливость японка понимает по-своему. Огня она не тушит и на вопрос, как по-японски называется то или другое, отвечает прямо и при этом, плохо понимая русский язык, указывает пальцем и даже берет в руки, и при этом не ломается и не жеманится, как русские. И все это время смеется и сыплет звуком «тц». В деле выказывает мастерство изумительное, так что вам кажется, что вы не употребляете, а участвуете в верховой езде высшей школы. Кончая, японка тащит из рукава зубами

листок хлопчатой бумаги, ловит вас за» мальчика» и неожиданно для вас производит обтирание, причем бумага щекочет живот. И все это кокетливо, смеясь и с» тц «...»

«Хочешь написать о коррупции на телевидении, – продолжала жена, увидев, что я оторвался от письма Чехова к Суворину 27 июня 1890 года, – сделай это в духе классика, страна зачитается!»

Через полчаса я прочитал супруге первые строки своей будущей книги о коррупции на телевидении: «Ты что, так и собираешься трахать меня в черных очках?» – возмущенно произнесла Елена, брезгливо отталкивая потные руки Анатолия Крапивина, ведущего «Паровоза», пытавшиеся расстегнуть верхнюю пуговичку ее блузки. – Имидж ничто, жажда все, не дай себе засохнуть! – плоско пошутил Анатолий, дернув головой, так что черные очки оказались на самом кончике носа. – Снимай, а я стащу с тебя все остальное...

Елене только это и было надо. Многократно отрепетированным движением она сняла его известные всей стране черные очки и положила на прикроватную тумбочку. За долю секунды указательный палец ее правой руки успел прикрепить к душке очков почти незаметную точку – «жучок» теперь будет передавать все разговоры их обладателя. Теперь предстояло снять на «видео» его сексуальные домогательства, чтобы иметь реальные доказательства тех низменных

нравов, царящих в Компании».

«Ведь можешь! – удовлетворенно хмыкнула жена, прочитав забористое начало, – пусть это и будет твоей первой книгой». Я согласился, но целый месяц не мог написать больше ни строчки.

«Твой любимый писатель Бунин, ты восторгаешься его „Темными аллеями“, так напиши о любви!», – вновь пыталась прийти на помощь жена. Я придумал сюжет для своей новой книги о любви. Скоропостижно умирает еще не очень старый мужчина. «Инфаркт», – констатируют врачи, с которыми соглашается следователь прокуратуры. Дело закрыто, естественная смерть. Но сын покойного, разбирая письменный стол отца, наталкивается на его записки, заставившие молодого человека взяться за собственное расследование обстоятельств гибели родителя. «Самоубийство или кто-то помог отцу уйти в мир иной?» – вот вопросы, на которые пытается ответить сын, читая увлекательные рассказы...

Но и этот сюжет не вырос пока в рукопись, не стал первой книгой. Возможно, он станет второй книгой, я уже и название придумал – «Дон-Жуанский список» Пушкина». Почему «Пушкин» в кавычках, вы узнаете, если мне позволят написать вторую книгу.

Но могут и не позволить. Манеры наших спецслужб я слишком хорошо знаю. Нет, нет, за почти сорок трудовых лет в КГБ я не служил, хотя еще школьником мечтал об этом, совершенно случайно познакомившись на крымском побе-

режье с сотрудником охраны Хрущева. Могучий сорокалетний полковник Алексей Денисович Когутенко вытащил меня, тщедушного тринадцатилетнего пацана, уже захлебывавшегося черноморской водой, на мягкий крымский алуштинский песок, привел в чувство и сдал на руки подоспевшей матери, не вовремя отлучившейся по своим делам с пляжа. Семья наша с тех пор дружила с ним добрый десяток лет, до самой его гибели, а я мечтал о престижной службе в его ведомстве.

Но подкачало здоровье, меня даже в армию не взяли, что в те годы считалось позором, а нынче благом. Но с другой конторой – МВД – столкнуться пришлось: поддался на уговоры нашего участкового, переведенного сюда из оперативников уголовного розыска за какую-то неведомую мне провинность. Его даже в звании понизили, из капитанов сделали старлейтом. Погоны участковый не сменил, следы от четвертой звездочки были явно заметны. Старлейт нуждался в грамотном помощнике, способном быстро написать любую информацию, справку, рапорт. Он и уговорил меня оформить документы на «внештатника» – внештатного сотрудника милиции. Это удостоверение в те годы давало право на бесплатный проезд в городском транспорте, что было немаловажным подспорьем для бедного студента.

Милицейские дела меня не обременяли особенно, участковый призывал на помощь один-два раза в месяц. Но одно дело, после которого я с брезгливостью стал относиться

ко всем милиционерам, соглашаясь с народным прозвищем «мусора», помню до сих пор.

Родился и вырос я на юге тогдашнего СССР, в Средней Азии. Назовем эту республику Казбекистаном, а ее столицу Нонкентом. (Нон в переводе на русский хлеб, кент – город, вот и получается Хлебный Город.) В начале семидесятых на партийного лидера Казбекистана прямо в центре столицы, неподалеку от его городской резиденции, было совершено покушение. Аллах спас Первого секретаря, он отделался легким ранением левой руки. Террористу удалось скрыться от ребят из «девятки» – Девятого Главного Управления КГБ Республики, охранявших Первое лицо.

Надо ли рассказывать, что за считанные минуты Нонкент практически весь был перекрыт силами КГБ и милиции. Аэропорт, вокзал, автостанции, все выезды из города блокировались усиленными нарядами. Милиция не скрывала автоматов. По официальной версии, запущенной для обывателей, из городской тюрьмы якобы сбежало несколько особо опасных преступников. Вот их и искали, останавливая для досмотра буквально каждую автомашину.

Все работники милиции, в том числе и внештатные, получили фотографию с фотороботом подозреваемого, сделанного на основании показаний сотрудников охраны Первого лица. К фотографии прикладывалась письменная ориентировка. В ней шло словесное описание террориста, подчеркивалось лицо монголоидного типа, указывалось превосходное

владение приемами восточных единоборств и всеми видами стрелкового оружия. При обнаружении задерживать в одиночку не рекомендовалось из-за крайней опасности. Гарантировалась и заслуженная награда за обнаружение и поимку.

Мы с моим старлейтом, изучив ориентировку, надеялись найти Японца (так оперативники окрестили террориста) и сдать его кагэбэшникам. Старлейт мечтал о майорских погонах в награду и восстановлении в уголовном розыске, я же о работе в КГБ.

Прошло несколько дней. Участковые тщательно прочесывали каждый дом, проверяя паспортный режим, расспрашивая жильцов обо всех приезжих, гостях или, наоборот, срочно уехавших лицах. Я же в своих поездках по городу внимательно вглядывался в любое встречное монголоидное лицо. Но не везло... Моя тогдашняя пассия, незабвенная Лида, после незалеченного гриппа попала с осложнением в неврологическое отделение одной из нонкентских больниц. Наши чувства были уже достаточно крепкими, поэтому я каждый вечер приходил в больницу с букетом цветов и неизменной передачей в болоньевой сумке. Пока она относила цветы и еду в палату, я прогуливался перед отделением, вяло поглядывая на больных и посетителей, усыпавших всю площадь с небольшим фонтанчиком посередине: шел уже жаркий нонкентский май, в палатах почти никого не оставалось, все ходячие предпочитали прохладу больничного сада. Лида появлялась с пустой сумкой, брала меня под руку, мы шагали

по тенистым аллеям, пока не находили свободную уединенную скамеечку в глубине, садились, ворковали и целовались до самых сумерек. Проводив девушку до отделения, я вновь шел через весь сад к известной немногим дырке в заборе, через которую я попадал на городскую улицу, ведь больничная проходная давно уже была закрыта.

Так продолжалось и в те дни, когда появилась ориентировка на Японца. Ожидая Лиду и посматривая на больных в саду, я вдруг увидел Его. У меня хватило ума не выдать себя доставанием фотографии и сличением фоторобота с оригиналом. Но что это был именно Японец, сомнений не оставалось: слишком четко я мог представить его хитроватое лицо с жесткими глазами затаившегося тигра, чтобы ошибиться. Провожая Лиду в тот вечер к палате, я успел заметить, что Японец лежит в том же неврологическом отделении. Через полчаса я сидел в оперпункте у своего патрона.

Выслушав мой суматошный рассказ, старлейт осознал, какая невиданная удача идет к нам в руки.

– Смотри, как хитер Японец! Его с ног сбившись на дорогах ищут, а он преспокойненько месячишко-другой в больнице проваляется, выйдет и укатит восвояси! – изумлялся мой наставник.

Мы решили не спешить, чтобы не осрамиться перед КГБ. Старлейт снабдил меня снимками еще нескольких разыскиваемых преступников, и на следующий вечер в ординаторской неврологического отделения я уже беседовал с дежур-

ным врачом. Когда я попросил ее узнать на фотографиях кого-нибудь из больных, врач уверенно показала на Японца:

– Это же Садык Халмухамедов из третьей палаты!

В его истории болезни я сразу же обратил внимание на домашний адрес: хорошо зная родной город, заметил, что под указанным номером на Саперной улице вовсе не жилой дом, а гостиница «Россия»...

Взяв с дежурного врача слово о неразглашении нашего разговора, я вынужден был не спешить, проведя как обычно ритуал моего посещения больницы: прогулка с Лидой, объехать на дальней скамейке. Впрочем, Японец что-то заподозрил, надо отдать должное его квалификации – он дважды прошел мимо нас в тот вечер, оглядывая обоих, как говорится, с головы до ног. Но я выглядел настолько юным и безобидным в свои двадцать лет, никакого оружия при мне, конечно, не было, радиостанции тоже, а наши объезды и поцелуи с Лидой были такими жаркими и естественными, что никак не вязалось с его возможными представлениями о целомудренности сотрудников «наружки». Японец в конце концов оставил нас в покое, а я помчался к своему патрону. Старлейт позвонил куда-то и уехал. Вечером следующего дня Лида рассказала мне о необычном оживлении, царившем с утра в больнице:

– Представляешь, приезжали человек пятнадцать практикантов из военно-медицинской академии, смотрели наших больных, одного даже взяли на консультацию к себе в Моск-

ву. Вот повезло мужику!

Не знаю, как с Японцем, а вот старлейту действительно повезло: через пару недель в газетах я прочитал указ о награждении майора Смирнова орденом Боевого Красного Знамени за задержание особо опасного преступника. Майора с тех пор я не видел, в оперпункте появился новый участковый. Тогда я понял, что в органах у нас работают не совсем порядочные люди...

Я не имею доступа к государственным тайнам. Все события книги основаны на сведениях, почерпнутых из обычных Средств Массовой Информации. Надо только уметь их анализировать. Моя задача была сделать такой анализ и донести до читателей правду о нашем недавнем прошлом и о том, что может ждать нас всех впереди. Именно такая правда может не понравиться спецслужбам. Спецслужбы всегда охраняли существующий строй и всегда скрывали правду о сильных мира сего от простого народа. В этом они видят свою задачу.

Наши спецслужбы могут все. Если они захотят, человек спокойно может попасть под колеса проезжающего автомобиля на самой тихой улочке, умереть от инфаркта в расцвете сил или выброситься из окна – в зависимости от богатства фантазии конкретных киллеров. «Твоя научная специализация – история СССР 1920—30-х годов, – убеждала меня жена, – так пиши о Ленине и Сталине. Актуально, интересно и безопасно, давно уже умерли все главные действующие лица», – продолжала убеждать меня жена. Возможно, когда-ни-

будь я напишу и о них, если успею. Хотя после Эдварда Радзинского сказать что-то новое о Хозяине будет трудно.

«Ты интересуешься российскими реформаторами, Александром Вторым, Петром Столыпиным, пиши о них! – умоляла жена, – Помни о детях...»

Родившись на Востоке, я хорошо знаю обязанность каждого мужчины – посадить дерево, построить дом и воспитать детей. Под посаженным в безоблачном школьном детстве кленом в Нонкенте сейчас раскинулось российское посольство: его здание, бывший райком партии, построили в небольшом сквере напротив школы, где я учился. Школу давно уже перевели в современное типовое помещение, в ее старинном, 1912 года постройки здании расположилась какая-то контора, а деревья, посаженные нашим классом в честь принятия в пионеры в год полета Юрия Гагарина, принялись и выросли в могучие ветвистые гиганты.

Дом, в котором я родился в Нонкенте, снесли двадцать два года назад и на его месте выстроили современную девятиэтажку. Что касается детей... Именно подумав о них, я и решил написать свою первую художественную книжку, которую Вы держите в руках.

Если мне не удастся написать больше ни одной, если не позволят сделать это наши спецслужбы, дети будут гордиться своим отцом, который книгой сумел внести свой, пусть небольшой вклад в победу настоящей демократии в России. Эта книга о реформаторах в России, настоящих

и мнимых, вы встретитесь на ее страницах и с Александром Вторым, и с Петром Столыпиным. Она о коррупции на телевидении, и в некоторых ее героях вы узнаете тех, кто ежедневно глядит на Вас с голубого экрана. Она о российских спецслужбах, в них ведь есть настоящие герои, не одни же только предатели и сволочи. Она и о сексе – не ругайте меня за эти страницы, это не дань моде и не попытка поднять тираж. Хотим мы того или не хотим, секс есть в жизни каждого из нас, прошел через него и наш герой. Так зачем же молчать «Про это...»?...

Сделав выбор, я написал именно эту книгу первой, «День ожидания», ибо эта книга – сценарий того многосерийного художественного фильма, в котором с августа 1991 года каждый день играем главные роли мы с вами, все 146 миллионов россиян, а режиссером-постановщиком является сама жизнь. И только от Господа Бога и самой жизни зависит, каким по жанру будет этот фильм – триллером как сейчас или мелодрамой со счастливым концом.

Часть первая. Прошлое

Глава первая. Одинокий реформатор

Колноберже, небольшое имение в Литве, полученное Аркадием Дмитриевичем Столыпиным за карточный долг. Август 1911 года.

По саду гуляют двое – Петр Аркадьевич Столыпин и его дочь Мария. Премьер-министр России только что вернулся из Риги, куда он ездил на открытие памятника Петру Великому. Разговор заходит о Григории Распутине. Дочь, зная отрицательное отношение отца к старцу, пытается выяснить, неужели нет никакой возможности открыть глаза государю?

– Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Конечно, все дело в этом. Императрица больна, серьезно больна, она верит, что Распутин один на всем свете может помочь наследнику, и разубедить ее в этом выше человеческих сил. Ведь как трудно вообще с ней говорить. Она, если отдается какой-нибудь идее, то уже не отдает себе отчета в том, осуществима она или нет. Недав-

но она просила меня зайти к ней после доклада у государя и передала свое желание о немедленном открытии целой сети каких-то детских приютов особого типа. На мои возражения, что нельзя такую работу осуществить моментально, императрица сразу же пришла в страшное волнение, со слезами в голосе стала повторять:

– Mais comprenez-moi donc, ces malheureux enfants pas attendre; cela doit etre arrange tout de suite, tout de suite. (Но, поймите меня, несчастные дети не могут ждать. Это должно быть сделано немедленно, немедленно. – С французского – Авт.) – Видя, насколько она возбуждена, мне только оставалось ответить:

– Je ferai mon possible pour satisfaire le desir de Votre Majeste. (Я сделаю все возможное, чтобы удовлетворить желание Вашего Величества. – С французского.) – комментирует сложившуюся при Дворе ситуацию П.А.Столыпин.

– Ведь ее намерения все самые лучшие, но она действительно больна! – убежденно утверждает Мария Петровна.

– Какая разница между императрицей Александрой Федоровной и ее сестрой! Великая княгиня Елизавета Федоровна, – это женщина не только святой жизни, но и поразительно энергичная, логично мыслящая и с выдержкой, доводящая до конца всякое дело. Займется она, например, каким-нибудь брошенным ребенком, так можешь быть уверена, что она не ограничится тем, чтобы отдать его в приют. Она будет следить за его успехами, не забудет его и при выходе из при-

юта, а будет дальше заботиться о нем и не оставит его своим попечением и когда он кончит учение. Это женщина, перед которой можно преклоняться, – удивляется премьер.

– Папа, ты долго еще пробудешь с нами? – как бы невзначай спрашивает дочь.

– В Киеве большие торжества по случаю открытия памятника Александру II, будет государь, мне необходимо присутствовать. Скоро уезжать, а как мне тяжело на этот раз, никогда отъезд мне не был так неприятен. Здесь так тихо и хорошо! – сокрушается Петр Аркадьевич.

Киев, 1 сентября 1911 года.

В киевском театре спектакль в высочайшем присутствии. Зрителей пускают лишь по именным приглашениям. Здесь весь городской бомонд. В царской ложе – государь и великие княжны. Петр Столыпин сидит в первом ряду партера, недалеко от императора. Второй антракт. Большая часть публики в фойе. Премьер, в белом летнем сюртуке, опершись спиной о балюстраду оркестра, разговаривает с министром двора бароном Фредериксом. Высокая, красивая фигура второго по значению человека в государстве виднеется в самых отдаленных местах полупустого зала.

Через средний проход, быстро, в упор глядя на Столы-

пина, продвигается тщедушный мужчина в черном фраке. Резкий контраст разноцветного блеска парадных мундиров офицеров, ослепительная белизна сюртука премьера и иссиня-черный, могильный цвет фрака убийцы. На мгновения их взгляды скрещиваются...

Что вспомнил Столыпин в те несколько роковых секунд? Может, как делал предложение невесте, боясь из-за своей молодости получить отказ ее отца? Будущий тесть улыбаясь ответил: «Молодость – это недостаток, который исправляется каждый день» и с радостью согласился отдать дочь за этого молодого студента, понимая, что лучшего мужа ей не найти. Может, он вспомнил окончание естественного факультета Петербургского университета и выпускные экзамены, которые в числе прочих принимал профессор Менделеев? Его экзамен по химии превратился в диалог двух умнейших людей своего времени, в научный спор, профессору пришлось остановиться, схватиться за голову и сказать: «Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно».

Вероятней, что, увидев зловещую черноту этого проклятого фрака, Столыпин вспомнил субботу 12 августа 1906 года. По субботам новый российский премьер и министр внутренних дел завел традицию приемов по личным вопросам, куда собиралось великое множество народа, представителей самых различных сословий. Так было и в тот день.

Две приемные, зал заседаний, кабинет, гостиная и столовая летней резиденции Председателя Совета Министров бы-

ли полны народу. На втором этаже находились спальни и маленькая гостиная.

Одна из дочерей премьера, Наташа, сын и его няня, молоденькая воспитанница Красностоцкого монастыря, стояли на верхнем балконе, прямо над подъездом. Мальчишка с интересом разглядывал подъезжающих и, конечно же, заметил ландо с двумя мужчинами в жандармской форме. Их увидел не только ребенок, но и старик-швейцар и адъютант премьера генерал Замятин. Генерал среагировал на несуразницу внешнего вида «жандармов»: недели за две до этого в форму жандармского корпуса были внесены изменения, а приехавшие были в старых касках. Швейцар двинулся наперерез подозрительным «жандармам», а генерал Замятин уже спешил в фойе из приемной. Отбросив привратника, «жандармы» ворвались в переднюю, натолкнулись на выбежавшего из приемной генерала Замятина и кинули ему под ноги кожаные портфели, бережно удерживаемые до этого в руках.

Раздался оглушительный взрыв. Большая часть премьерской дачи разлетелась на куски. Со всех сторон слышались отчаянные крики раненых и стоны умирающих. Огонь охватил деревянные части постройки. Террористы, генерал Замятин и швейцар-старик были разорваны в клочья. На месте погибло более тридцати человек. Еще несколько умерли в ближайшие дни от ран. В саду, на газонах и дорожках, лежали раненые, валялись трупы и части тел – ноги, пальцы, уши. Обходя раненых, старшая дочь премьера Мария за-

метила в глубине сада часового, стоявшего у трупa мальчи-ка двух-трех лет. На вопрос, чей это ребенок, часовой с бо-лью в голосе отвечал: «Сын его Высокопревосходительства, Председателя Совета Министров». Оказалось, что это ошиб-ка: один из посетителей пришел на прием с маленьким ре-бенком. Погибли оба. У Ади, сына Столыпина, были малень-кие раны на голове и перелом ноги. Мальчишка страдал ско-рее от нервного потрясения, чем от ран. Seriously пострадала семнадцатилетняя Наташа, одна из дочерей Столыпина: у нее были раздроблены обе ноги.

Единственной комнатой, не пострадавшей во время взры-ва, был кабинет премьер-министра. В момент взрыва Столы-пин сидел за письменным столом. От взрывной волны, про-шедшей через две закрытые двери в приемную, громадная бронзовая чернильница поднялась со стола в воздух, переле-тела через голову премьера, залив его лицо и костюм черни-лами, и врезалась в стенку. Столыпин остался цел и невре-дим...

Мы уже никогда не узнаем, о чем думал Петр Аркадьевич Столыпин, 1-го сентября 1911 года в киевском театре, глядя на приближающуюся к нему фигуру в черном фраке. Через секунду раздались два выстрела в упор. На белой ткани пре-мьерского сюртука расцвело алое пятно. Несколько мгнове-ний он еще держался на ногах. Медленно, с натугой повер-нулся к царской ложе, успел осенить ее большим крестным знаменем и без чувств рухнул в ближайшее кресло. Толпа

кинулась за пытавшимся бежать убийцей. Офицеры с саблями наголо намеривались растерзать его. Полиции пришлось стрелять в воздух, чтобы спасти террориста. Премьера прямо на кресле понесли к выходу из театра. Взвился занавес и со сцены послышались аккорды «Боже, царя храни». Плакали все, в том числе и государь. Прослушав гимн, император уехал из театра...

Глава вторая. Экскурсы в будущее и прошлое

МОСКВА, МАРТ 2018 г.

Панорама столицы. Набережная Москвы-реки. Кремль. Красная площадь. Из Боровицких ворот деловито выныривают правительственные машины. Камера следит за одной из автомашин, которая мчится по московским улицам к Останкино. На заднем сиденье молодая женщина лет сорока с небольшим в строгом сером костюме.

– Господи, ничего не успеваю с этой гонкой. Надо закончить книгу о Столыпине. Но когда? – разговаривает она то ли сама с собой, то ли обращаясь к помощнику, сидящему впереди.

На фоне этих кадров звучит голос диктора:

– Не пытайтесь угадать подлинное имя героя этой истории. Не ищите похожего в биографиях Владислава Листьева, Эдуарда Тополя, Владимира Молчанова, Александра Любимого, Владимира Познера, Сергея Доренко и многих других телевизионщиков и писателей. Главный герой нашего фильма Виктор Градов – собирательный образ, вымышленный персонаж, плод фантазии автора сценария. Вся его жизнь, которая сейчас пройдет перед вами, все, что с ним происходило и могло произойти, – это история нашей страны, наше

с вами недавнее прошлое и недалекое будущее. Вот почему вы увидите на экране так много знакомых лиц.

Машина тем временем подъезжает к телерадиокомплексу в Останкино. Женщина выходит и в сопровождении помощника – молодого человека с характерной спортивной фигурой идет по коридорам студии. У одной из дверей с табличкой «Откровения» они останавливаются.

– Нам, кажется, сюда, Сергей? – женщина вопросительно смотрит на сопровождающего. Парень молча кивает и почтительно открывает дверь, пропуская женщину вперед. Их встречает журналист, усаживает женщину за столик.

Ассистентки прикалывают к отвороту ее пиджака микрофон, поправляют прическу. Помощник садится в кресло позади телекамер.

Зажигается ослепительно яркий свет. На мониторах идет реклама. Тревожно-красно замигало табло: «Тихо! Микрофон включен!» На мониторах заставка передачи. Ведущий, глядя в глазок работающей камеры, здоровывается со зрителями:

– Добрый вечер! Я рад, что из множества каналов вы вновь выбрали Общественное Российское Телевидение. В эфире очередные «Откровения». У нас сюрприз для вас: откровенничать с нами будет первая в российской истории женщина – кандидат в президенты страны – Надежда Викторовна Градова.

Режиссер переключает изображение на гостью студии.

Градова, улыбаясь, приветствует зрителей.

– Первый вопрос, Надежда Викторовна. В одном из своих интервью Вы отмечали огромную роль отца в вашем становлении как личности. Если позволите, начнем с рассказа о нем. Хорошо?

Крупным планом лицо женщины. Затем оно размывается, изображение переходит на черно-белый вариант, хотя титры названия картины идут алым цветом: «День ожидания».

НОНКЕНТ, ЗИМА 1951 г.

Старый одноэтажный родильный дом. Роженица, мучающаяся на больничной койке. Провоз ее в операционную. Трудные роды. Врач:

– У ребенка родовая травма, может не выжить, нужна срочная операция!

Хирург, склонившийся со скальпелем над тельцем новорожденного. Голос врача:

– Молодец, выжил, победил! Виктором надо назвать, победителем! Мамаше скажите, профессор Гаспарян просил сына Виктором назвать!..

Москва, февраль 1956 г.

Документальные кадры XX съезда КПСС. На трибуне Никита Сергеевич Хрущев, оживленно жестикулирующий.

Нонкент, февраль 1956 года

Маленькая квартира с обстановкой скорее тридцатых-сороковых, чем пятидесятых годов. Железные кровати, этажерка, комод, огромный платяной шкаф, радиоприемник «Рекорд», швейная машинка «Зингер» начала XX века. В комнате двое – пятилетний малыш, играющий на полу и его мать, проверяющая тетради за столом у настольной лампы с белым стеклянным абажуром. Входит мужчина в тогдашней форме старшего лейтенанта Советской Армии. Он пьян. Офицер пытается поиграть с ребенком, но тот испуганно прижимается к матери. Отец тянет его к себе. Ребенок ревет все громче и громче. Мать урезонирует отца:

– Иди, проспись, глаза б мои на тебя не глядели.

Он не уходит. Вновь тянется к сыну. Мать отталкивает его руку. Отец бьет мать профессиональным ударом боксера. Ре-

бенок истошно кричит. Мать гонит отца:

– Уходи, ради сына уходи, оставь нас в покое!

Нонкент, апрель 1961 г.

Возле памятника героям Октябрьской революции 1917 года с пламенеющим Вечным огнем идет церемония приема в пионеры третьеклассников. Звучат слова Торжественного обещания пионера Советского Союза. Камера выделяет из общей шеренги десятилетнего мальчишку. Черные брюки, белая рубашка. Звонким голосом:

– Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза.

Ветераны повязывают галстуки всем, в том числе и ему. Пионерский салют в исполнении нескольких десятков мальчишек и девчонок.

Нонкент, осень 1964 г.

Обычный школьный класс. Перемена. Шум, гвалт, жую-

щие лица детей, в руках которых яблоки, конфеты. На передней стене кабинета, над доской – портрет Ленина. Кто-то из мальчишек достает резинки, одевает на пальцы, начинает стрелять скобками – сначала по доске, потом по портрету вождя мирового пролетариата. Несколько минут почти весь класс стреляет в изображение В. И. Ленина. Портрет рвется.

Звучит звонок. Класс постепенно успокаивается. Входит учительница русского языка, она же – классный руководитель, молодая женщина лет тридцати.

– Здравствуйте, ребята, садитесь! Кого нет в классе?

Все? Отлично. Начнем урок. Записываем в тетрадах сегодняшнее число – 10 октября, классная работа.

Девочка с первой парты у окна тянет руку.

– Что тебе, Маша?

– Нина Ивановна, а мальчишки Ленина расстреляли...

Учительница замирает. Непонимающе озирается, потом поднимает глаза, видит разорванный портрет. Садится на свой стул. Стыскивает голову руками:

– Маша, сходи вниз, в приемную, позови Георгия Степановича...

В классе стоит тишина, которую принято называть гробовой.

Входит директор школы, молодежавый, подтянутый мужчина лет сорока со спортивной фигурой. Класс четко, по-солдатски встает.

– Здравствуйте, 5 «Б»! Садитесь! Нина Ивановна, что

произошло? – спокойно интересуется директор.

Учительница молча поднимает глаза к портрету Ленина. Крупным планом лицо директора. Его глаза сузились, веки задергались, на лбу выступили капельки пота. Несколько раз, словно в судорогах, забился кадык.

– Кто это сделал? – тихо, но очень строго спрашивает директор школы.

Тишина. Пауза. Испуганные лица ребят. Директор за чем-то смотрит на часы:

– Сегодня до вечера в классе должен висеть новый портрет Ленина. Достать его – ваша забота. Утром я зайду к вам на первый урок. Если нового портрета не будет, весь класс мы исключим из школы и пионеров, – решает директор.

Кабинет директора школы. Кроме хозяина – еще одна женщина, – парторг школы. У краешка стола в виноватой позе – Нина Ивановна. Парторг выговаривает классному руководителю:

– Вы совсем недавно вступили в партию. И такой дикий случай! В классе нездоровая морально-политическая обстановка. Надо разобраться, выявить зачинщиков...

Директор перебивает:

– Разбираться не станем. Вы что, хотите шума на всю республику? Бюро райкома, три партбилета на стол – ее, ваш и мой? Будет так, как я объявил детям.

Класс. Мальчишки и девчонки, собирающие мелочь – медные и серебряные монеты. Трое школьников – двое маль-

чишек и одна девчонка – ходят по книжным магазинам. Один магазин, второй, третий. В отделах изобразительной продукции портреты только одного вождя – Никиты Сергеевича Хрущева. В последнем магазине уже собрались закрывать. Ребята стоят в нерешительности.

Девчонка шепчет:

– Что будем делать? Витя, ты у нас политинформатор, реши!

Продавщица провожает их к выходу:

– Закрываем, ребятки, закрываем!

– Тетенька, нам портрет Хрущева дайте...

Продавщица считает мелочь, а пятиклассники бегут с портретом по городу к школе. В классе выстраивают пирамиду: два стола, сверху стул. Снимают изуродованный портрет Ленина, вешают новенький Хрущева. Портрет Ленина прячут в шкаф.

Утро. В класс входит директор. Смотрит на портрет. Улыбается кончиками губ. Выходит. Конец дня. Тот же класс. Контрольная работа. Вновь входит директор. Класс дружно встает.

– Садитесь. Продолжайте работать.

Директор что-то шепчет на ухо учительнице. Та встает, уступая директору стул. Директор ставит стул у доски, разувается, встает на стул, снимает портрет Хрущева со стены. Мальчишеский голос из класса:

– Георгий Степанович, вы зачем Никиту Сергеевича сни-

маете? Ну, не было Ленина в магазине, взяли Хрущева, какая разница?

Директор поворачивается к классу, спускаясь со стула с портретом Хрущева в руках:

– А разница, Градов, в том, что Хрущева сегодня в Москве сняли. Совсем. По состоянию здоровья. Понятно? А вот Ленина снять никто уже не может.

Нонкент, 25 апреля 1966 г.

Та же двухкомнатная старая квартира. Обстановка почти не изменилась с середины пятидесятых годов. Более современная деталь – телевизор «Рекорд» на книжной тумбочке. Миловидная женщина 35—37 лет собирается куда-то. На ней выходное платье, она примеряет бусы, красит губы перед зеркалом, стоящим на комод.

Наш герой, уже подросток лет 14—15-ти, – готовит уроки на другом конце большого стола. Поднимает голову от тетрадей:

– Мама, ты куда собираешься?

– Гулять, – отвечает женщина.

– А если серьезно? – допытывается подросток.

– Вполне серьезно. А по-честному, мы вчера с тетей Аней на трамвайной остановке у оперного театра познакомились

с двумя военными. Они командированные, города не знают. Показали им, как добраться до гостиницы КЭЧ, погуляли заодно, – объясняет мать.

– А сегодня с ними на свидание? – догадывается сын.

Мать подходит к сыну, прижимает его голову к своей груди. Шепчет:

– Витя, я уже скоро десять лет как одна. Ты вот уже девчонкам стихи начал писать. А я, по-твоему, влюбиться не могу?

Мальчишка серьезно смотрит на мать.

– Можешь, мам. Ты только не задерживайся допоздна, хорошо? И вообще, у тебя был уже один офицер. Помнишь?

– Не забыла. Меня проводят. А ты не засиживайся, спать ложись, только дверь не запирай изнутри на крючок, ладно? – просит мать.

– Я без тебя все равно не лягу, – обещает сын.

Мать уходит. Подросток читает, пьет чай, снова читает. По традициям фильмов пятидесятых-шестидесятых годов бег времени показывают будильником: 9, 10, 11, 12, 1 час ночи. В начале второго – стук в окно. Мальчишка закрывает книгу. Лает собака во дворе. Открывается дверь. На пороге появляются мать и незнакомый офицер. Мать улыбается:

– Не спишь? Знакомьтесь.

Военный протягивает руку, представляется:

– Майор Васильев Геннадий Григорьевич.

– Виктор. – Они крепкожимают друг другу руки.

– Вы уж извините, Виктор, что задержались, поэтому я вашу маму лично вам передаю, – оправдывается майор.

– Ладно, бывает, чего уж там, – улыбается мальчишка.

– Разрешите идти? – спрашивает гость.

Мать с сыном переглядываются. Одновременно:

– Идите, товарищ майор!

Офицер, взяв под козырек, уходит.

– Ну, что, ложимся? – спрашивает мать. Они расходятся по своим комнатам, гасят свет. Затемнение. Зарево. Гул. Треск. Падает штукатурка. Крик мальчишки:

– Мама, бежим, землетрясение!

В общий двор выскакивают из многих квартир соседи, кто в чем – ночные рубашки, пижамы, мужчины в одних трусах. Мать с сыном идут по утренним улицам. Разрушенные дома, пыль, испуганные люди.

– Витя, заглянем в гостиницу? – предлагает мать.

– К майору что ли? Небось уже подняли по тревоге, – скептически произносит сын.

Они подходят к двухэтажному зданию военной гостиницы. На посту старушка-дежурная.

– Майор Васильев? На втором этаже, пятый номер. Вы родственники?

Они утвердительно кивают головой.

– Поднимайтесь, там все двери открыты, – поясняет дежурная.

Градовы проходят на второй этаж. Номер с пятью крова-

тями в комнате. На всех кроватях богатырским сном спят мужики. На простынях их кроватей пыль и штукатурка. Мать с сыном качают головой, смеются.

– Какой у майора род войск? – спрашивает паренек.

– Десантник, – уважительно произносит мать.

Документальные кадры. Леонид Ильич Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС и Алексей Николаевич Косыгин, Председатель Правительства СССР, сходящие с трапа Ил-18-го в нонкентском аэропорту. Панорама разрушенного города. Бульдозеры. Новостройки.

Нонкент, май 1969 г.

Зал дворца культуры. В нем юноши и девушки в парадной школьной форме тех лет – у девочек коричневые платья и белые фартуки, юноши в белых рубашках и черных брюках. Почти все с комсомольскими значками на левой стороне груди. На сцене президиум, много взрослых – секретари райкома партии и комсомола, директора школ, заводов, вузов. Среди них в первом ряду двое школьников – юноша и девушка. По ходу выступления взрослых они переписываются, передвигая друг другу листок бумаги. Крупным планом:

«Вас как зовут? Лида. А вас? Виктор. Вы из какой школы? Из 521-ой. А вы? Из 641-ой. Выступаете? Нет, просто для

количества посадили. А вы? Выступаю...»

Председательствующая – секретарь райкома партии по идеологии Ирина Ивановна Мельникова, объявляет:

– Перед нами сегодня выступали директора заводов и фабрик, ректор транспортного института. Теперь, думаю, время послушать самих выпускников. От их имени слово предоставляется Виктору Градову, ученику 10 «Б» класса 641-ой школы нашего Заводского района.

Виктор выходит к трибуне.

– Перед смертью не надышишься, говорили древние философы. И, хотя у нас впереди вовсе не смерть, а всего лишь восемь выпускных экзаменов, я действительно в последние дни не могу надышаться воздухом родной школы. Сейчас нас здесь уговаривали идти работать на заводы, стройки. Дело нужное. Лично я для себя выбор сделал – надо идти работать, а вечером – учиться. Работать – потому что я единственный сын у матери и хватит сидеть на ее шее. Учиться – человек, мне кажется, всю жизнь должен учиться. Поступить думаю в университет, на исторический факультет...

Районное собрание выпускников закончилось. Расходились. Виктор подошел к Лиде.

– А вы куда собираетесь поступать, Лида?

– На факультет журналистики, в университет, – просто отвечает девушка.

– Но на дневное отделение на журфак, по-моему, не берут после школы. Нужен двухгодичный стаж практической

работы, – удивляется Виктор.

– Знаю. Придется, как и вам, на вечерний, – нисколько не расстраиваясь, говорит Лида.

– Тогда еще увидимся? – надеется Градов.

– Если поступим, – обещает Лида.

Выпускной вечер в школе. Знакомый нам уже директор вручает аттестаты.

– Золотая медаль и аттестат особого образца вручаются Градову Виктору Евгеньевичу! Вскоре мы надеемся увидеть Виктора своим коллегой, учителем истории.

Пожимает руку, отдает медаль, аттестат, обнимает, целует.

Виктор проходит в зал, садится рядом с матерью и тем самым военным, но уже с погонами подполковника. Он тоже жмет Виктору руку:

– Молодец! Вот по этому поводу мы сегодня выпьем!

Мать толкает его в плечо:

– Гена, не порть мне сына!

– Не испорчу, не испорчу! А кто его пить научит, если не я? Ты что ли?

Университетский городок, вечер. Остановка маршрутного такси. Очередь – студенты, преподаватели. Виктор, помахивая кожаной папочкой, подходит к остановке.

– За кем буду? – обращается он к стайке девушек, стоящих в хвосте очереди. Одна из них оборачивается:

– За мной...

Они внимательно смотрят друг на друга.

– Лида...

– Виктор...

Подъезжает маршрутка – тогда это были «Рафики» – единственные в СССР микроавтобусы производства Рижского автомобильного завода, сокращенно «РАФ», отсюда и ласковое название в народе. Получается так, что все подружки Лиды садятся, только ей не хватает места. Девушки машут ей руками, готовые потесниться, но она остается ждать следующую машину. Сидя рядышком в маршрутке, они с Виктором едут по ночному городу.

Идут пешком по центральным улицам. Виктор несет довольно объемистый портфель Лиды.

– Что там у Вас, камни? – осторожно спрашивает Виктор.

– Нет, Толстой Лев Николаевич, «Война и мир» вместе с «Анной Карениной», – объясняет Лида.

– Вам нравится Толстой, Лида? – удивляется Градов.

– Очень. Правда, когда в школе первый раз читала «Войну и мир», то пропускала военные страницы. А теперь перечитываю, вижу – интересно! – восторгается Лида.

– Жаль, «Анну Каренину» в школьной программе не проходят, – вздыхает Виктор.

– Вы разве читали только программные произведения? – глаза у Лиды расширены от удивления.

– Нет, Лида, у меня мама литератор, да и классная отлич-

ная литераторша была, так что, как звали лошадь Вронского – Фру-фру – я помню, – спорит Градов.

– Боже мой! Из всей «Анны Карениной» запомнить только имя кобылы Вронского! – изумляется Лида.

– Лида, вы меня обижаете. Но «Война и мир» мне все-таки понравилась больше, – стоит на своем Виктор.

– Конечно, вы же будущий историк. Кутузов, Наполеон, Аустерлиц, Бородино... Интересно. А что в «Карениной»?
Сплошные чувства, – скептически замечает Лида.

– Ну, чувства чувствам рознь. Эпиграф к «Анне Карениной» помните? «Мне отмщение и аз воздам». У него много толкований. Мне кажется, подлинный его смысл в том, что мы сами себя за все в жизни казним. За все надо платить, даже за счастье. Вот и Анна заплатила любовью за любовь. Хотя с ее версией любви я и не согласен, – замечает юноша.

– А почему, Виктор? – удивляется Лида.

– Анна поглощена в любовь. Кроме любви у нее нет ничего. А так ведь нельзя... – объясняет Градов свою позицию.

Лида смеется.

– Витя, а вы любили кого-нибудь?

Он задумывается.

– По-серьезному, помните, как у князя Андрея, чтобы мир раскололся на две части – она и все остальное – еще нет.

Они доходят до ее дома на такой же, как у Виктора, старой одноэтажной улице.

– Вот я уже и дома. Спасибо, что проводили, – благодарит

девушка.

– Пожалуйста. – Виктор протягивает Лиде ее портфель. Они оба с двух сторон держатся за портфель.

– Лида, можно... Я хоть иногда стану ждать вас на остановке маршрутки? – шепчет он.

– Почему хоть иногда? Можно и чаще, – улыбается Лида.

Нонкент в сугробах. Такое бывает не часто в этом южном городе. Виктор и Лида вновь гуляют по ночному городу. Городской стадион. Заснеженные ступеньки. Лида скользит, падает. Виктор валится вслед за ней. Хохочут оба. Он помогает ей встать, отряхивает снег с шубы, шапки. Сбрасывает перчатки, осторожно, нежно, по снежинкам, снимает снег с ее волос, выбившихся из-под шапки, с щек. У нее мокрые варежки. Виктор прячет их в свой карман, берет ее ладошки в свои руки, дышит на них, согревает. Целует ее пальчики. Потом притягивает ее к себе, целует глаза, лоб, щеки, губы...

Квартира Виктора и его матери. За столом трое – Виктор, мать, Васильев. Завтракают.

– Гена, знаешь, что Виктор задумал? – спрашивает мать.

– Пока не знаю, – откликается Геннадий Григорьевич, намазывая сливочным маслом кусок батона.

– Жениться! – возмущенно сообщает мать, отставляя в сторону чашку с недопитым кофе.

– Одобряю. Быстрота и натиск, как говорил Суворов,

главные условия победы над противником. А над женщиной – тем более... – спокойно реагирует на новость подполковник.

– Нет, Гена, ты в своем уме? Куда ему жениться? Молоко на губах только обсохло, девятнадцати еще нет! – жалуется Градова.

– А тебе сколько было, когда замуж за своего благоверного пошла? – спрашивает Васильев.

– Девятнадцать, – уже спокойней произносит мать.

– Супруг, если не ошибаюсь, был на полгода моложе? – продолжает наступать подполковник.

– Не ошибаешься... – она всплескивает руками. – Ну, какой прок от ранних браков? Я ведь его отца выгнала. Пятнадцать лет одна. И потом, элементарные проблемы... Витя, вы где жить собираетесь?

Виктор, все это время молча поглощавший завтрак, поднимает голову от тарелки.

– Если ты нас не примешь, уйду к Лиде, у нее отдельная комната, – сообщает он.

– Посмотри, они уже все решили! – опять возмущается мать.

– Кажется, на правах старшего по возрасту и званию я должен вмешаться! – решительно произносит Васильев, оставив шуточный тон. – Виктор, когда хотите свадьбу играть?

– В конце августа. В мае жениться – плохая примета, всю жизнь маяться будем. Летом мне ехать в лагерь на все три

смены. Вот в конце августа и сыграем, – рассуждает Градов.

– Очень хорошо. Теперь Виктор Евгеньевич, будь внимателен. Судьба нас троих, вернее, четверых, считая Лиду, в твоих руках...

– Не понял, Геннадий Григорьевич... – перебивает его Градов.

– Что ж тут не понять? Я предлагаю в конце августа сыграть две свадьбы сразу, твою с Лидой и нашу с Натальей Михайловной.

На несколько секунд немая сцена. Потом голос матери:

– Оригинальная форма предложения...

– Почему же оригинальная? Все по старинным русским обычаям. Я прошу твоей руки у единственного мужчины в семье, твоего сына. Прекрасно понимаю, что Виктор взрослый и никогда не назовет меня отцом, но друзьями мы с ним ведь уже стали. Не так ли? – подполковник вопросительно смотрит на Градова.

Виктор кивает головой в знак согласия.

– А раз так, нам тоже пора кончать с этой неопределенностью. Три года видеться раз в неделю – срок достаточный, чтобы проверить наши чувства. Тем более, что с нашей женой у Виктора с Лидой решается хотя бы жилищная проблема, – объясняет Васильев.

– Ты хочешь взять меня к себе в гарнизон? В казарму? – мать остолбенела.

– Дальше. В Москву, – как всегда спокоен Васильев.

– Куда? – переспрашивает Наталья Михайловна.

– Я поступил еще в одну академию – Генерального штаба.

В сентябре – начало занятий. Для семейных там есть общежитие, – рассказывает подполковник.

– Да, с моими мужиками не соскучишься... – мать встает между ними, гладит обоих руками по голове. – Что, Витя, соглашаться на предложение подполковника?

– Соглашайся, мама! Дядя Гена хороший, он тебя любит...

Лето 1970 г. Тянь-Шань. Казбекистан.

Горная дорога. Рекламный плакат на обочине: «Детство начинается с «Радости»!» Дорожный указатель: «Пионерский лагерь «Радость». Панорама лагеря – коттеджи, столовая, эстрада, линейка, танцплощадка, бассейн. Кругом – дети разного возраста в пионерской форме. Среди них юноша в офицерской рубашке без погон, с красным галстуком. Голос диктора по лагерному радио:

– Старший пионервожатый, Виктор Евгеньевич, подойдите к начальнику лагеря, вас ожидают!

Градов поднимается по крутой лестнице в административную зону. Навстречу – дородная женщина под пятьдесят лет в белом халате и стройная девушка в мини-юбке и розо-

вой блузке.

– Слушаю, Тамара Николаевна! – подходит к начальнице Градов.

– Принимай гостей, Виктор! Знакомьтесь. Виктор Евгеньевич Градов, наш старший пионервожатый. Лидия Сергеевна Беляева, корреспондент «Пионерской Зорьки», – начальник лагеря подталкивает навстречу Виктору... его Лиду. Обалдевшими глазами Градов смотрит на девушку.

– Мы знакомы, Тамара Николаевна!

– Вот и отлично. Тогда бери все заботы на себя. Лида у нас до понедельника.

Они идут по лагерю, заходят в его небольшую комнату.

– Я соскучилась, Витя! Не могу так долго без тебя...

Обнимаются. Потом мелькают кадры, снятые в документальной манере. Подготовка к «Зарнице». Сама игра. Виктор с автоматом Калашникова вместе с детьми штурмует высоту «Безымьянная». Лида с диктофоном «Репортер» берет интервью у детей. Трое на аллее – Виктор, Лида и подполковник Васильев, приехавший в лагерь со своими десантниками для проведения «Зарницы».

– Для негодного к военной службе в мирное время ты действовал очень профессионально, молодец! – дает оценку Градову офицер. – Лида, вы домой с нами?

– Нет, в Нонкент в понедельник утром, – отказывается ехать Беляева.

– Тогда разрешите откланяться. Честь имею! – подполков-

ник взял под козырек и сел в «ГАЗик».

– Привет маме, дядя Гена! – кричит ему вслед Градов.

Он и Лида идут по ночному лагерю. Входят в его маленький домик. Он расстилает постель. Вставляет ключ в замочную скважину:

– Закроешься изнутри и спи спокойно до утра.

– А ты? – Лида подходит, кладет ему руки на плечи.

– Пойду в какой-нибудь отряд, лягу на свободное место.

– Никуда ты не пойдешь... – еле слышно шепчет Лида.

Она закрывает дверь на ключ. Вынимает ключ из скважины, кладет на стол:

– Не хочу ждать до августа, понимаешь?

– Понимаю...

Он подходит к ней и говорит очень тихо и серьезно:

– Только я не знаю, как все это делается. Вдруг что не так.

– Дурачок мой, – Лида целует его. – Как будто я знаю.

Они обнимаются. Камера фиксирует ласковые ненавязчивые движения рук, снимающих одежду, его губы, целующие ее шею, грудь, живот, бедра, поднимающих ее и кладущих на расстеленную постель. Затемнение.

Нонкент. Май 1971 г.

Машина скорой помощи несется по городским улицам.

Внутри в салоне Лида и Виктор. Он держит ее за руку, гладит руки, плечи, лицо, целует.

– Родная моя, все будет хорошо, вот посмотришь. Только ты ни о чем не думай...

– Витя... – говорить ей тяжело, на лбу появляются капельки пота. – Если... Со мной что-нибудь... а ребенок выживет... ты не женись сразу... ладно?!

– Выбрось из головы, начиталась Толстого, ты не жена Болконского и сейчас, в конце концов, не начало девятнадцатого века, – пытается успокоить жену Градов.

– Родной мой... не знаю, что со мной... мне кажется... я вижу тебя в последний раз... – в изнеможении Лида закрывает глаза.

«Скорая помощь» въезжает во двор родильного дома. Уже стемнело. Виктор помогает Лиде выйти из машины, поддерживает ее за руку. Лида делает несколько шагов, спотыкается. Виктор успевает подхватить ее на свои руки, несет в приемный покой. Там ее сразу забирают врачи. Виктор ходит взад-вперед по приемному покою. Появляется пожилая нянечка:

– Чего маешься, сынок?

– Жена вот рожает, – Виктор кивает головой в сторону родительного отделения.

– Тут все рожают. Твоя худенькая такая, только что привезли? – спрашивает нянечка.

– Да, Лида, – нежно произносит Виктор.

– Иди домой, сынок, смена дежурит хорошая, не волнуйся, приходи утром, – убеждает нянечка.

Виктор отправляется на переговорный пункт, заказывает Москву.

– Алло, мама?! Да, я. Лиду положили рожать. Да, двенадцатый роддом. Схватки начались, ночью должна родить. Завтра прилетишь? Спасибо, жду.

Утро. Виктор с огромным букетом гвоздик, пакетом с кефиром и фруктами заходит в приемный покой родильного дома. Стучит в окошечко.

– Здравствуйте, девушка! У меня вчера вечером жену привезли, Лида Градова, ночью должна была родить, как узнать?

– Как вы сказали, Градова? Подождите.

Медсестра звонит кому-то:

– Юрий Сергеевич, муж Градовой подошел... Хорошо, я поняла.

Медсестра выходит из справочной с белым халатом в руках:

– Наденьте.

– Вы что, меня прямо к ней проведете?! Вот спасибо! – Виктор обрадовано надевает халат.

Они идут по коридорам административного корпуса, останавливаются у двери с табличкой «Главный врач». Девушка стучит, открывает дверь, пропускает Градова:

– Заходите.

Кабинет главного врача роддома. За столом – грузный мужчина лет сорока пяти, в белом халате, шапочке, в очках. Встает, подходит к Градову, протягивает руку:

– Тимофеев Юрий Сергеевич, главный врач.

– Градов Виктор... Евгеньевич... Не понимаю, в чем дело, почему меня к вам привели? – встревожено смотрит на него юноша.

– Видишь ли... Можно на «ты», я тебе ведь в отцы го- жусь? – спрашивает врач.

Градов лишь молча кивает в ответ.

– Садись. Куришь?

– Нет, – неуверенно произносит Виктор.

– И правильно делаешь. Тогда выпей, – главный протяги- вает Виктору мензурку со светлой жидкостью.

– Что это? – удивляется Градов.

– Валокордин. Сердечные капли, – объясняет главврач.

Виктор пьет, а главный, сняв вмиг запотевшие очки, вы- тирает их платком:

– Ну, словом... ночью твоя Лида скончалась. И ребенок тоже. У тебя был сын... У него пуповина намоталась на шей- ку, родился уже синий. Попытались оживить его, проглядели кровотечение у девчонки. Она потеряла сознание. Сердце слабое, остановилось. Вызвали бригаду реаниматоров из «Скорой» на подмогу, меня... Бились часа три, но... Прости ты нас, сынок...

Главный обнимает Виктора, берет из его рук сетку с про-

дуктами, ставит ее на стол, усаживает еще не до конца осознавшего все юношу в кресло.

– Где они? – спрашивает Виктор, глядя мимо врача.

– У нас морга как такового нет, есть одна холодная комната для таких случаев, они там, мы тебя ждали, без тебя не стали перевозить в судмедэкспертизу, – объясняет Тимофеев.

– Зачем в судмедэкспертизу? – ужасается Градов.

– Так положено, смерть внезапная, будет уголовное дело, прокуратура разберется, кто виноват, – пожимает плечами главный.

– Какая теперь разница, кто виноват, их-то нет... Я не дам вскрывать Лиду и сына тоже... Я хочу их видеть! – требует Виктор.

– Ладно, пойдем. Только подожди, выпей еще! – настаивает врач.

Главный наливает в стакан теперь уже коньяк, протягивает Виктору:

– Пей, пей! Поверь уж мне сынок, помогает!

Они идут по коридору. У одной из дверей без таблички останавливаются, главный врач пропускает Виктора вперед, входит вместе с ним. На высоком столе накрытое простынею женское тело. Главврач проходит вперед, открывает простынь. Застывшее, бледное лицо Лиды. На теле многочисленные следы от уколов и электростимулятора. У левой груди, на руке – тельце младенца. Виктор опускается на ко-

лени перед ними, обнимает Лиду, младенца, шепчет:
– Прости меня, Лидушка...

Глава третья. Наваждение

Нонкент, май 1974 г.

Городское кладбище. Градов возле могилы с обелиском на могиле. На обелиске – портрет Лиды и надпись: «Лидия Сергеевна Градова. Женечка Градов». Даты их жизни. Градов ставит букет алых гвоздик в вазу на могиле.

У памятника по соседству – супружеская пара, обоим чуть за сорок, они тоже с цветами. Супруги приветливо здороваются с Виктором.

– У вас тоже сегодня годовщина? Идемте к нам, помянем.

На кладбищенском столике нехитрая закуска – колбаса, огурцы, помидоры, лепешки, бутылка водки, рюмки. Мужчина разливает. Не чокаясь, пьют. Вместе идут с кладбища к трамвайной остановке.

– Витя, у нас к вам просьба, – обращается к нему женщина.

– Слушаю, Валентина Ивановна.

– Николаю дали «горящую» путевку на двоих в санаторий в Пицунду, летим послезавтра, а у Танюшки в субботу день рождения, семнадцать стукнет, она уже друзей приглашала, бабушки три года как нет, приглядеть за дочерью некому. Вы не сможете в воскресенье приехать к нам, помочь ей по хозяйству? И вообще, ей выпускные экзамены сдавать,

пока мы в Абхазии загорать будем, вы уж, Витя, помогите, а мы в долгу не останемся... – женщина вопросительно смотрит на Градова.

– Какая благодарность, вы что, конечно, помогу, – обещает Виктор.

Виктор в голубой финке, темных брюках, с букетом роз поднимается по лестнице. Звонит в дверь с номером 28. Дверь открывается. На пороге молоденька девушка в коротком халатике, волосы закручены на бигуди.

– Ой, Виктор, здравствуйте! Извините, я в таком виде... Совершенно забыла, что вы рано придете. Спасибо! – она берет протянутый им букет, проводит его в квартиру, через все комнаты на кухню.

– Наливайте чаю, а я сейчас, – она на несколько минут оставляет Виктора одного. Возвращается с уже расчесанными волосами.

– Что ж вы не хозяйничаете? – Татьяна наливает чай в пилушку, вытаскивает из холодильника и ставит на столик тарелку с сыром, масленку, нарезает хлеб.

– Мне надо знать, когда придут гости, сколько их будет, что вы планируете приготовить из горячего, закуски и так далее, – говорит Виктор, жуя бутерброд.

– Гости придут к шести вечера, будет их человек 15—16, из горячего надо сделать цыплята табака и плов, салаты на ваше усмотренье и вообще, Виктор, вы на сколько лет ме-

ня старше? – интересуется девушка.

– Лет на шесть, – отвечает Градов.

– Давай на «ты», а то как-то неудобно, – предлагает Татьяна.

– Хорошо, давай, – соглашается Виктор.

Дальше идет процесс приготовления и сервировки стола. Приход гостей – все сверстники Татьяны, Виктор – старший в этой компании. Поднятые бокалы с шампанским – тост за именинницу. Танцы. Виктор не танцует – он подает салаты, шампанское, минеральную воду, ставит на стол горячее. Снова танцы. К одиннадцати вечера начинают расходиться.

– Виктор, я провожу гостей! – Татьяна машет ему рукой.

– Только не задерживайся! – просит ее Градов.

– Ты совсем, как отец, – усмехается девушка.

Она уходит, провожает друзей. В подъезде целуется со сверстником.

– Все, Сашка, все... Мне пора! – Татьяна высвобождается из его объятий, убегает вверх по лестнице, толкает дверь своей квартиры, входит. Виктор уже убрал со стола, моет посуду. Татьяна молча начинает помогать ему.

– Ты почему меня не ругаешь? – вдруг спрашивает она.

– За что? – удивляется Виктор.

– Что так долго провожала, скоро полночь, – пожимает плечами девушка.

– Ты же взрослая и потом, кто я тебе, чтобы ругать? – усмехается Виктор.

Заканчивают уборку. Градов собрался уходить.

– Нет, никуда я тебя не отпущу. В полночь, на другой конец города... Район у нас опасный, случись с тобой что, всю жизнь потом каяться буду. И вообще, за весь вечер ты ни разу со мной даже не танцевал! – она как будто обидчиво надувает губки.

– Я вообще ни с кем не танцевал, работал твоим личным официантом, – объясняет Виктор.

– А теперь ты мой гость, единственный, – Татьяна нежно трогает его за плечо.

Она берет два фужера, наливает шампанское. Чокаются.

– Счастья тебе, Таня! – произносит Виктор и медленно, смакуя, выпивает холодное шампанское.

Включают магнитофон. Медленная мелодия. Танцуют.

– Ты танцуешь неуклюже! – шепотом выговаривает ему Татьяна, когда мелодия заканчивается.

– Практики почти не было, да и слух не музыкальный, – оправдывается Виктор.

Она снова наливает шампанское.

– Виктор, исполнишь одно желание именинницы?

– Какое? – неуверенно спрашивает он.

– Ну вот, трусить начал... – смеется девушка.

– Хорошо, хорошо, выполню, – соглашается Градов.

Татьяна подходит к нему с двумя бокалами с шампанским.

– Выпьем на брудершафт? – предлагает она.

Они пьют. Ставят бокалы на столик. Татьяна вопросительно смотрит на Виктора. Он целует ее в щеку. Татьяна качает головой:

– Совсем одичал за три года... Ладно, пора отдыхать. Иди в ванную, я пока постель тебе организую.

Она раскладывает диван в зале, стелет белье. Из ванной комнаты с еще влажными волосами возвращается Виктор.

– Под простынью не замерзнешь? Или дать одеяло? Раздевайся, ложись, теперь я пойду мыться.

Она уходит. Виктор раздевается, аккуратно вешает на стул рубашку, майку, брюки, носки. Ложится. Из ванной комнаты доносится шум душа. Через несколько минут появляется Татьяна. Волосы распущены, халат едва застегнут. Подходит к дивану:

– Нормально устроился?

– Да, все в порядке, спасибо, – благодарит гость.

– Тогда спокойной ночи!

Она наклоняется над диваном, целует его в щеку, затем, страстно, в губы. Шепчет:

– Дурачок ты мой, я ведь люблю тебя! Три года уже люблю. С того дня, как увидела тебя на похоронах, помнишь, твою Лиду и мою бабушку хоронили одновременно, тогда я и увидела тебя первый раз. Четырнадцатилетней пацанкой была, а втюрилась – и поделаться ничего не могла. Родителей каждое воскресенье таскала на кладбище, лишь бы тебя видеть... А сегодня, – она тряхнула головой, – сегодня мой

праздник. Я хочу стать твоей. Прямо сейчас.

Татьяна сама скидывает халат. Под ним совершенно обнаженное девичье тело. Нырять в постель к Виктору. Обнимает его, целует. Он поначалу неподвижен. Татьяна ложится на него сверху, гладит его всего, шепчет:

– Отвык... Ты же мужик... И тебе нужна баба. Молодая, красивая, теплая... Неужели ты все три года без женщин? Не бойся, я все для себя решила. Господи, чурбан ты бесчувственный, мне что, в конце концов, самой себе все это делать?!

Наконец Виктор решается, переворачивает Татьяну под себя. Начинается секс – стоны, объятия, поцелуи.

Он проснулся от звука песни. Где-то на кухне пела Татьяна:

Утро красит нежным светом

Стены древнего Кремля,

Просыпается с рассветом

Вся советская страна...

Виктор всегда поражался, насколько чувствительны женщины. Вот и в этот раз, не успел он открыть глаза, как Татьяна уже заглянула в зал.

– Вот еще один гражданин страны советов проснулся! Доброе утро!

– Доброе утро! – произнес он несколько оторопело: на ней из одежды были только белые трусики и до безрассудства короткая майка того же цвета, едва закрывавшая грудь.

– Ну, что ты так на меня смотришь? Во-первых, жарко. Во-вторых, что мне теперь тебя стесняться? Но в третьих, если мой повелитель прикажет, его раба может надеть халат до пят и до горлышка. Прикажешь?

– Нет, не прикажу: я вчера не успел тебя разглядеть, – объясняет Виктор.

– Ценю за откровенность. Виктор, тебе можно задать интимный вопрос? – Татьяна присела на краешек дивана.

– Безусловно. – он полуприсел, опершись на подушки.

– Как тебя Лида ласково называла – Витенька, Витюша, Витечка, Витек?

– Не поверишь: Викасольчик или Вика, – смеется Градов.

– А почему? – Татьяна в недоумении.

– Викасол – такое лекарство, повышает свертываемость крови, оно применяется как кровеостанавливающее средство при обильных кровотечениях, например, при ранениях, или, если приземленно, при геморроидальных кровотечениях, – объясняет Виктор.

– А ты какое отношение имеешь к этому лекарству? – допытывается Таня.

– Немного созвучно: Витя-Вика. А Лида говорила, что у нее от моих прикосновений порой кровь в жилах останавливается. Вот так я стал для нее Викасолом, Викасольчиком, Викой, подытожил рассказ о своем прозвище Градов.

– Тебе будет неприятно, если я стану называть тебя также? – чуть помолчав, спросила Таня.

– Почему же неприятно. Рана уже зарубцевалась... – вздыхает Виктор.

– Нет, я не стану так тебя называть. – Таня наморщила лоб, почесала правой рукой затылок. – Витя – Вита... Если ты не против, я стану называть тебя Витой, Виточкой! Вита – это жизнь, а ты теперь моя жизнь... – она помолчала. – Вставать думаешь?

– Думаю, Таньчик... – потянувшись, произнес Виктор.

– Таньчик?! – она грозно оперлась руками о свои бедра. – Я что, похожа на танк?

– Нет, нет, просто теперь уже я выбираю варианты для твоего ласкового обозначения, – рассмеялся Виктор.

– Ничего себе ласково, Т-34! – притворно возмутилась Татьяна. – Побрейся лучше, не терплю колючих.

– И много у тебя небритых было? – вдруг ляпнул Виктор.

– Выбирай, что ты хочешь получить, по физиономии или бритвенный прибор в подарок? – стараясь себя успокоить, спросила Татьяна.

– По справедливости надо и то, и другое, – заметил Виктор, потом, погладив ее руку, добавил, – Прости, я не хотел тебя обидеть.

– Ладно, уже простила, – она улыбнулась. – Ты чем бреешься, электрической или станком с лезвием?

– Станком с лезвием, – раскрыл свои вкусы Виктор.

– Тогда закрой глаза, – потребовала Таня.

Виктор закрыл глаза, а Татьяна подошла к стенке, открыла

один из шкафов и достала новенький бритвенный набор:

– Это тебе. В память о нашей встрече.

– Спасибо! – он поцеловал ей руку. – Только почему так грустно?

– Потому что я хочу есть, и ты наверняка тоже. Марш в ванную и жду тебя на кухне! – шутливо приказала Таня.

Пока Градов брился и приводил себя в порядок, Таня убрала его постель и заправила диван, потом отправилась хлопотать на кухню. Через несколько минут там появился Градов. На нем было только махровое полотенце, подвязанное на талии.

– Жарко. И что мне теперь тебя стесняться? – ответил Градов на вопросительный взгляд Татьяны.

– Ну, чистый римлянин. Патриций мой, что ты пьешь по утрам, кроме рассола – чай или кофе? – спросила Татьяна, держа в руках заварной чайник.

– Кофе, хозяйюшка, кофе, – ответил Виктор, усаживаясь за столик.

– С молоком, сгущенкой или обыкновенный черный? – отозвалась Таня, ставя чайник и открывая навесной шкафчик.

– Черный с сахаром. А что будет пить моя хозяйюшка? – поинтересовался Градов.

– За кампанию со своим мужчиной, я же должна изучать твои вкусы. Кстати, Вита, а к кофе приготовить кашку или ты предпочитаешь бутерброды? – уточнила Таня.

– Бутерброды, Танюша, бутерброды. Меньше возни, – объяснил Градов.

– Кому, мне? Знай, я обожаю готовить, – обрадовала его Таня.

– Учту, – заметил Виктор.

Татьяна осмотрела стол: бокалы, нарезанный батон, сахар, кофе, ложечки, масло, колбаса, сыр.

– Проверь, я ничего не забыла?

– Нет. Если позволишь, я тебе объясню, как я люблю завтракать. – Градов вопросительно посмотрел на Таню.

– Конечно, объясняй, – согласилась она.

– Я заранее делаю четыре бутерброда (Градов мазал масло на кусочек батона, клал по очереди сыр и колбасу), потом только кладу сахар (он положил три ложки) и кофе (насыпал кофе). И только после этого наливаю крутой кипяток из чайника, который томится на плите.

– В чем секрет, чтоб я знала? – спросила Таня.

– Не тратится время на приготовление бутербродов, кофе тогда не успевает остыть, я люблю очень горячий кофе, – пояснил Виктор.

– Буду знать! – кивнула Таня, а потом вдруг спросила у Градова. – Хочешь кофе с коньяком?

– Хочу! – откровенно произнес тот.

Таня вышла в зал и почти моментально вернулась с бутылкой в яркой упаковке.

– О, французский, «Наполеон»... Из каких источников,

Таня? – удивился гость.

– Как-нибудь расскажу. Открывай, – пропустила вопрос мимо ушей хозяйка.

Когда Градов не без опаски осторожно открыл бутылку, Таня вдруг вытащила и поставила на столик маленькие хрустальные рюмочки.

– Это уже коньяк с кофе, а не кофе с коньяком, – заметил Градов.

– Пусть так. Наливай! – махнула рукой Татьяна.

Он налил коньяк в рюмочки, подал одну ей, другую взял в руку:

– Ты хозяйка, ты и тост говори.

– Знаешь, Витя, за что я хочу выпить? – она помолчала несколько секунд, крутя в руках рюмку. – Вчера был мой праздник, а сегодня должен стать наш. За наш сегодняшний праздник, за наш день рождения. Ведь что сегодня родится, только от нас двоих и зависит... Ладно, давай выпьем!

Они чокаются, пьют коньяк, запивают кофе, жуют бутерброды.

– Витя, а ты меня презираешь? – вдруг спросила Татьяна.

– За что? – откровенно удивился тот.

– Ну, за то, что сама навязалась тебе, например.

– Не говори глупостей. Насколько я помню, ты призналась мне в любви. Разве за это можно презирать или осуждать?

– Наверно, нельзя, ты прав, – ответила Татьяна. – Но ведь ты же меня не любишь. Разве это нравственно – спать с нелю-

бимой девушкой?

– Ты уверена, что у меня нет никаких чувств к тебе? – изумился Виктор.

– Конечно. Были бы они, ты бы не позволил мне одной уходить провожать друзей, а пошел бы со мной. Вдруг бы кто-то напал на меня в подъезде? – объяснила свою уверенность девушка.

– А может, я просто не стал мешать кому-то провожать тебя до подъезда? И потом, Таня, у нас ведь все равно все шло к этому финалу. Не приходи ты ко мне, в твою спальню пришел бы я, – заметил Градов.

– Как же, как же, уязвленное мужское самолюбие, отняли пальму первенства! Ну, пришел бы ты, полез ко мне, а я б тебе отказала. Ты что, изнасиловал бы меня? – глядя на него в упор, спросила Таня.

– И пальцем бы не тронул! – честно признался Виктор.

– Вот видишь, – усмехнулась Таня, – выбирает ведь все равно женщина. Вот я и выбрала. Только я очень хочу стать любимой женщиной, – объяснила Таня.

– Таня, а что для тебя любовь? – задумчиво спросил Виктор.

– Я хочу сначала знать твое мнение, ты же старше и опытней меня в этих делах... – переадресовала ему же этот вопрос Татьяна.

– Я согласен с Толстым: любовь, это когда мир раскалывается на две половинки – в одной она, а в другой – все осталь-

ные, – раскрыл свою точку зрения Виктор.

– Да, я помню, интересная точка зрения. Ты знаешь, я много читала об этом, расскажу как-нибудь под настроение, так вот, у древних индийцев был трактат о любви, «Ветка персика» назывался, слышал? – спросила девушка.

– Отдаленно. – Виктор пожал плечами.

– Древние индийцы считали, что любовь – это сумма трех влечений, – ума, сердца и тела. Влечение ума порождает уважение, влечение сердца порождает веру, влечение тела порождает желание, а сумма трех влечений в итоге и порождает любовь, – Таня коротко пересказала суть трактата.

– Здорово! – подтвердил Виктор правоту индийцев.

– Так чем же ты меня на сегодняшний день любишь, Витя? Только откровенно! – настойчиво требовала ответа Таня.

– Твое признание породило во мне влечение сердца, веру в тебя, ведь не каждая решится на такое. Ум у тебя, судя по сегодняшним репликам, тоже проглядывает, а с влечением тела, если откровенно, Тань, ты только не обижайся, я ведь и не успел хорошенько разобраться, инстинкт сработал и все – он нежно погладил ее правую руку.

– Я долго думала, что я могу дать тебе сразу, немедленно... Сердце я тебе уже отдала. Ум – так ты гораздо умнее меня. Остается одно. Тело. Ты наелся? – совершенно неожиданно спросила хозяйка.

Он молча кивнул головой в знак согласия.

– Тогда пойдем в зал, – предложила Таня.

В зале Таня включила магнитофон. Потом задвинула шторы, чтобы образовался полумрак.

– Пригласи меня на танец, мой любимый! – попросила Таня.

Они начали кружиться в нечто подобном вальсу.

– Витя, ты не обидишься, если я спрошу? – прошептала ему Таня на ухо.

– Спрашивай обо всем... – так же шепотом ответил он.

– Ты сколько раз подряд можешь... с женщиной?

– Таня, это было так давно, что я уже просто не помню.

– А хочешь много... со мной?

– Хочу... – явно обрадовано прошептал Виктор и стал целовать ее податливые губы. Что может быть вкуснее губ семнадцатилетней девушки, ждущих, терпких, нетерпеливых, сливающихся с твоими в один сумасшедший водоворот?!

Насытившись поцелуями, Таня тихо прошептала:

– Ты знаешь, я зачитывалась книгами, в которых описывается близость между мужчиной и женщиной... Вот, например, у Ивана Бунина в его «Темных аллеях» есть рассказ «Галя Ганская». Послушай, разве это не прекрасно?

Татьяна подошла к книжному шкафу, достала томик Бунина: – «Я довез ее до мастерской, целуя в закинутое лицо. В мастерской таинственно зашептала:

– Но послушайте, ведь это же безумие... Я с ума сошла...

А сама уже сдернула соломенную шляпку и бросила

ее в кресло. Рыжеватые волосы подняты на макушку и заколоты черепаховым стоячим гребнем, на лбу подвитая челка, лицо в легком ровном загаре, глаза глядят бессмысленно-радостно... Я стал как попало раздевать ее, она поспешно стала помогать мне. Я в одну минуту скинул с нее шелковую белую блузку, и у меня, понимаешь, просто потемнело в глазах при виде ее розоватого тела с загаром на блестящих плечах и млечности приподнятых корсетом груди с алыми торчащими сосками, потом оттого, как она быстро выдернула из упавших юбок одна за другой стройные ножки в золотистых туфельках, в ажурных кремовых чулках, в этих, знаешь, батистовых широких панталонах с разрезом в шагу, как носили в то время. Когда я зверски кинул ее на подушки дивана, глаза у нее почернели и еще больше расширились, губы горячечно раскрылись, – как сейчас все это вижу, страстна она была необыкновенно...» А ты хоть помнишь, какая я была ночью?

Он молчал. Тогда она достала еще один черный томик.

– Над Хэмингуэй я вообще балдею. Один из его ранних рассказов называется «У нас в Мичигане». Я перечитывала его сотни раз. Вот эти, например, строки: «Лиз сидела в кухне у плиты, делая вид, что читает, и думала о Джиме. Ей не хотелось ложиться спать, она знала, что Джим пройдет через кухню, и ей хотелось еще раз увидеть его и унести эти воспоминания о нем с собой в постель.

Она изо всех сил думала о Джиме, когда он вышел в кухню. Глаза у него блестели, волосы были слегка взлохмачены. Лиз опустила голову и стала смотреть в книгу. Джим подошел сзади к ее стулу и остановился, и ей было слышно его дыхание, а потом он обнял ее. Ее груди напряглись и округлились, и соски отвердели под его пальцами. Лиз очень испугалась, – до сих пор никто ее не трогал, – но подумала: «Все-таки он пришел ко мне. Все-таки пришел»...

– Нравится? А вот как Хемингуэй описывает нам первую близость Лиз и Джима: «Они сели под стеной склада, и Джим привлек ее к себе. Ей было страшно.

Одна рука Джима расстегнула ей платье и гладила ее грудь, другая лежала у нее на коленях. Ей было очень страшно, и она не знала, что он будет сейчас делать, но придвинулась к нему еще ближе. Потом рука, тяжело лежавшая у него на коленях, соскользнула, коснулась ее ноги и стала подвигаться выше.

– Не надо, Джим, – сказала Лиз. Рука двинулась дальше. – Нельзя, Джим, нельзя. – Ни Джим, ни тяжелая рука Джима не слушались ее.

Доски были жесткие. Джим что-то делал с нею. Ей было страшно, но она хотела этого. Она сама хотела этого, но это ее пугало.

– Нельзя, Джим, нельзя.

– Нет, можно. Так надо. Ты сама знаешь.

– Нет, Джим, не надо. Нельзя. Ой, нехорошо так. Ой, не надо, больно. Не смей! Ой, Джим! О!» – Таня закончила читать отрывок.

– Я так мечтала оказаться на месте этой Лиз! Чтобы ты подходил ко мне и прижимал меня к спинке стула, так, чтоб раздавался треск и не было понятно, что это трещит, дерево или мои косточки. Хочу праздника, понимаешь, для нас обоих, ты же старше, опытней, ты же не пацан, которому главное, чтобы у него вскочило, воткнулось в нее, подергался чуть-чуть, вылил, вытащил и дал ей пинка под зад – «Иди отсюда, стерва!». Ты меня понял? Хорошо?

– Хорошо... – прошептал он, привлекая Татьяну к себе...

Когда огонь страсти потух, он вдруг вспомнил:

– Танюха, а у тебя ведь завтра первый выпускной экзамен. Сочинение, если не ошибаюсь. А ты не готовишься...

– Ошибаешься. Готовлюсь в поте лица. В прямом смысле этого слова, – Татьяна смахнула ладошкой пот со лба. – Наверняка будет тема о любви. Вот я и напишу. К примеру, о любви Наташи Ростовской: «Наташа Ростова выросла в деревне. Она видела, как весной пробуждается природа, вырастает новая трава, распускаются листья и цветы на деревьях, как закипает кровь у животных. Также закипела кровь и у нее. Наташа влюбилась в князя Андрея, много старше нее, вдовца. Этот выбор был осознанным: Наталье хотелось любви не только платонической, поэтому она предпочла князя. Можно понять шок, который испытала Наталья, узнав от возлюбленного, что свадьба из-за прихоти его старика-отца откладывается на целый год! Ладно бы Андрей оставался рядом, мне кажется, Наталья бы отдалась ему до свадьбы.

Так князь Андрей умудрился уехать, оставить возлюбленную одну! Разве так поступают настоящие мужчины?! Неудивительно, что Наталья чуть было не стала любовницей Анатоля Курагина. Я понимаю Наталью по-женски. Не всякая молодая девушка способна ждать своего любимого год. Когда так хочется испытать негу объятий, поцелуев, обнажения под руками любимого. Я ждала своего возлюбленного три года. А вчера я испытала счастье любить и быть любимой. Я стала женщиной... Боже, какое это наслаждение, тянуться к его губам, своим языком находить в его рту его язык и соединяться ими! А тяжесть его рук на моих грудях? Что может сравниться с их лаской? Пенье соловья? Наконец, самое заветное, видеть, как от тебя, твоих слов, твоего тела, твоего запаха в его глазах загорается огонь страсти, руки любимого становятся все настойчивее, они срывают с тебя все, что преграждает доступ к тебе, и ты помогаешь ему, снимаешь его одежды... В эти мгновения я пожалела Наташу Ростову, что ей не удалось получить такое счастье от князя Андрея, но, Толстой догадался отдать ее замуж за Пьера Безухова, у них было много детей, значит, она испытала это безумное счастье соединения в одно целое много раз!»

– Танюша, если ты завтра так напишешь в действительности, тебя выгонят из школы! – изумился Градов.

– Не выгонят, не посмеют, – махнула рукой Таня.

– Почему?

– У меня мама в ЦК работает. Шеф-поваром Первого сек-

ретаря.

– Ясно... – медленно произнес Градов и как-то по-особенному посмотрел на девушку:

– Ты не станешь меня осуждать? Я еще Тебя хочу...

– Сегодня я согласна до бесконечности... Идем в ванную комнату...

Несколько минут спустя он поцеловал ее мокрые губы и лицо:

– Спасибо, любимая!

– Ты всегда будешь благодарить меня за это? – удивилась Таня.

– Всегда, любимая...

Вылезли из ванны, растерли друг друга полотенцами, Таня ушла к себе в комнату. Вернулась она, одетая в точно такой же наряд, как утром, только светло-розового цвета.

– Мой милый, не пора ли нам пообедать? – спросила Таня.

– Я думаю, пора! – охотно ответил Градов, потирая ладони друг о друга.

– Тогда на кухню, у нас там полный холодильник вчерашних запасов, надо все только хорошенько разогреть и поставить на стол. Но ты вчера доказал мне свою профессиональность как повара, так что голод нам в обозримом будущем не грозит! – засмеялась Таня.

Они отправились на кухню и принялись дружно накрывать обед. Через десяток минут на столике располагался аппетитный натюрморт. В центре вновь возвышалась бутылка

«Наполеона».

– Виточка, твоя очередь произносить тост! – напомнила ему Таня.

Градов наполнил их рюмки. Протянул одну Тане. Поднял свою. Несколько секунд молча смотрел на свою подругу.

– Честно говоря, Таня, я даже не знаю, как правильно назвать то, чем мы сегодня занимаемся. Скорее всего, это просто сумасшествие, затмение какое-то. Но мне хорошо в этом сумасшествии, я горю от твоих лучей, обжигаюсь тобой и не хочу остывать! За наш сегодняшний огонь! Пусть он никогда не угасает!

Они чокнулись и выпили залпом. Дружно налегли на еду.

– Витя, какое у тебя самое любимое блюдо? – жуя, спросила девушка.

– Я очень непривередлив в еде. Ем почти все подряд. Самое любимое, пожалуй, то, что сегодня на столе – куры, плов. Очень люблю пельмени, манты, самсу, словом, узбекскую кухню. Ужасный сладстена. Обожаю все печеное, конфеты. – Виктор перечислил все свои вкусовые пристрастия.

– Посмотри, как удивительно совпадают наши вкусы! Я ведь до жути люблю тоже самое! У меня есть тост, наливай! – хозяйка пододвинула бутылку. Градов усвоил, что Тане возражать не стоит, да и рюмки были маленькими, поэтому он разлил еще коньяку.

– Есть еще одно определение любви. Говорят, когда-то Бог разделил людей на две половинки, мужчину и женщину.

И с тех пор люди ищут свои половинки. Мне бы очень хотелось, чтобы наши половинки подошли друг другу! Выпьем за это!

Они выпили. За чаем с конфетами Градов вдруг спросил Таню:

– Таня, а если завтра тебе попадется любовь не в «Воине и мире», а в «Анне Карениной», что тогда напишешь?

– Про Анну Каренину? Пожалуйста.

И Таня начала с ходу импровизировать:

«Некоторые мои одноклассники называют Анну Каренину из одноименного романа Л.Н.Толстого шлюхой. Грубо, скажете вы. Но вспомним, что сам Лев Николаевич свою любимую героиню Наташу Ростову называл ничуть не лучше – самкой. Да, именно так, откройте X главу первой части эпизода: „Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка“. Наталье повезло. Она нашла свое счастье в браке с Пьером Безуховым. Не повезло Анне. Если руководствоваться определением древних индийцев о сумме трех влечений, дающих в итоге любовь, то, мне кажется, что ее муж Каренин давал Анне к моменту ее встречи с Вронским только влечение ума. Анна его уважала как мужа и отца своего ребенка. Но старый Каренин перестал давать ей влечение тела (а, на мой взгляд, вряд ли когда-то и давал жене такое влечение, скорее, оба просто исполняли супружеский долг, ложась в постель). Вот почему Анна обратила внимание на гораздо более молодого Вронского. Бравый офицер стал ее лю-

бовником. И, живи Анна по законам своего общества, ничего бы страшного не произошло: она бы успешно сочетала мужа и любовника, как это делали тогда многие, а сегодня абсолютное большинство женщин. Но Анна просто заблудилась в трех соснах: муже, любовнике и сыне. Кроме влечения тела, Вронский не был способен дать Анне ничего. Поэтому, осознав, что она причиняет горе сразу трем мужчинам, включая сына, Анна предпочла трагический финал. Осуждаю ли я ее? Нет, я ее понимаю. Но на ее месте никогда бы не стала лишать себя жизни. Не знаю, как бы я поступила, у меня еще очень мало жизненного опыта, пока я еще не замужем. Но, если муж перестанет меня в чем-то удовлетворять, я, скорее всего, заведу себе любовника. И сама признаюсь об этом мужу...»

– Ты серьезно, милая моя? – грозно спросил Градов.

– Вполне. Перестанешь меня удовлетворять – хоть умом, хоть сердцем, хоть телом – моментально найду себе любовника. А уж если по всем направлениям сразу недовольна буду – брошу! – решительно ответила Таня.

– Кстати, молодой человек, вам не кажется, что несколько раз за сутки используя для своего удовольствия порядочную девушку, кроме слов благодарности вам следует сказать еще что-то? Если вы это скажете, я обещаю вам устроить грандиозный финал нашего любовного праздника...

Градов оглянулся по сторонам, потом увидел в вазе на окне свой букет гвоздик. Взял вазу в руки.

– Конечно, Таня, мне давно следовало бы сказать тебе эти слова. И одеться бы надо по этому случаю. Но голым тебе будет виднее вся правота моих слов.

Он встал на колени перед ней.

– Танечка, милая, я люблю тебя! Выходи за меня замуж! Семь раз отмерь, один раз отрежь. Я рад, что сегодня могу мерить, сколько захочу. Меня влечет к тебе твое тело, меня влечет к тебе твой ум. И сердце наверняка тоже. Будь моей женой!..

– Встань! Я согласна... Если завтра мне попадетя просто сочинение на свободную тему о любви, я напишу, что я нашла свою половинку, мы убедились, что половинки наши могут составлять одно целое, по крайней мере из наших тел, а ума и сердца сольются постепенно. Я напишу нашей литераторше, тридцатилетней старой деве, какое это счастье, принадлежать мужчине. Я счастлива сегодня...

– Пойдем спать в мою спальню. Только будильник заведем на шесть утра. В 9 уже экзамен.

Они легли на ее кровать. Таня доверчиво прижалась к его плечу. Ее левая рука обняла его. Вскоре они заснули.

Утром в понедельник Градов, разбудив Таню, попытался вновь овладеть ею.

– Нет, нет, мой родной, перерыв до вечера. Я сейчас образцовая ученица. Сочинение до трех, встречаемся дома в 15.15 и идем в ЗАГС подавать заявления. Хорошо?

– Да, моя любимая...

Градов пришел на несколько минут раньше, одетый в белую финку с галстуком, черные брюки, темные очки. В руках он держал букет на этот раз белых гвоздик. Позвонив, он убедился, что Тани еще нет дома. Спустился вниз, сел на скамеечку у подъезда. А вот и Таня. Она шла навстречу очень медленно, выглядела явно уставшей. Но, увидев Виктора, резко ускорила шаг.

– Поздравляю, Танюша! – Градов протянул ей цветы.

– С чем в этот раз?

– С первым экзаменом и с ЗАГСом!

– Ты уверен, что у меня хватит сил дойти сегодня до ЗАГСА?

– Хватит, хватит! В крайнем случае, донесу тебя на руках! – пообещал Виктор.

Они поднялись на ее третий этаж. Таня открыла дверь. В коридоре она обняла Градова и разрыдалась у него на плечах.

– Ты что, глупышка моя... – он гладил Таню, целуя в мокрые глаза.

– Я так боялась, что ты не придешь... – по-детски всхлипывала девушка.

– Разве я дал повод сомневаться в моих словах и поступках? – с удивлением посмотрел на нее Градов.

– Пока нет. Но я же слабая молодая женщина, у которой вторые сутки такие стрессы... – объяснила Таня свою истерику.

– Женщина моя, ты как написала сочинение?

– Вроде как нормально. «Наталья Ростова – любимая героиня Льва Толстого». Слушай, а может мне не переодеваться, а вот так, в парадной школьной форме и пойти в ЗАГС? – озорно предложила она.

– Хочешь, чтоб тетушек инфаркт хватил? Давай поешь, переоденься и помчимся.

В ЗАГСе они сделали все быстро. Сотрудница не показала удивления по поводу раннего возраста невесты – по законам Казбекистана девушки могли вступать там в брак с 16 лет.

Погуляв по городу и поев мороженого в кафе, под вечер они вернулись к Татьяне.

Переодевшись и поставив чай, Таня села рядом с Градовым на диване.

– Кто мы теперь, жених и невеста? – она в упор посмотрела на Виктора.

– Это по бумажкам. Фактически же муж и жена, – спокойно объяснил он.

– И ты не уйдешь от меня уже никогда? – тихо спросила Таня.

– Пока не выгонишь или сама не сбежишь, – усмехнулся жених.

– Я так устала. Давай выпьем чай и пойдем спать, хорошо? – предложила невеста.

– Согласен.

Они легли в ее спальне. Градов пытался с ходу начать за-

ниматься любовью, но Таня остановила его.

– Подожди. Я хочу тебе кое-что сказать, можно?

– Есть проблемы?

– Ты знаешь, после вчерашнего у меня сегодня весь день такое странное ощущение... (далее она зашептала ему на ухо) будто ты... до сих пор во мне, ну, понимаешь?

– Стараюсь понять.

– У меня даже, оказывается, походка изменилась. Представляешь, когда утром в школе я подошла к своим подругам, они все хором стали меня поздравлять. Спрашиваю, с чем? Отвечают, с тем, что бабой наконец стала. Как узнали? По походке.

– А почему наконец?

– А у нас в классе почти все уже с пацанами трахались. Одна я себя для тебя берегла... – Таня поцеловала Градова. – Витенька, ты правда три года был без женщин?

– Правда.

– Я понимаю, смерть Лиды – страшная трагедия. Год траура естественен. А дальше? Почему не нашел никого?

– Потому что два года назад тебе было всего 15...

– Не ври, ты на меня даже глаз не положил, если б положил, я бы заметила.

– Если честно, я стал замечать твои взгляды, видел, как ты стараешься не пропускать эти воскресные встречи на кладбище, но просто не решился девчонке голову морочить...

– Правильно, чего морочить. Лучше подождать два года

и замуж зятянуть, – засмеялась Таня.

– А ты разве не хочешь замуж? – изумился он.

– Хочу, дурачок мой, хочу. А совсем интимные вопросы можно? – переменяла Таня тему разговора.

– Сколько угодно.

– Всего два. Первый. Ты не считаешь меня испорченной женщиной, извращенкой за вчерашние фантазии? – допытывалась она.

– Нет, разве можно считать извращением то, что было приятно нам обоим? – пояснил Виктор.

– Спасибо за железную логику. И последний вопрос. Ты так рьяно накачиваешь меня своей спермой, хочешь, чтобы я забеременела? – поинтересовалась невеста.

– И как можно быстрее родила, – подтвердил Игорь.

– Пятилетку за три дня? – Таня рассмеялась.

– Не понял?

– Анекдот такой есть. Ученые объявили, что через три дня будет конец света. Сели на самолет и решили посмотреть, в каких странах что делают. Летят над Америкой – сплошные спортивные соревнования. Над Германией – вся страна пиво пьет. Над Францией – все любовью занимаются. Над Союзом летят – все вкалывают и повсюду алые лозунги висят: «Пятилетку – за три дня!». Так и ты, хочешь, чтоб я через три дня родила...

– Природу не обманешь, через три дня не родишь. Но я очень хочу девочку, похожую на тебя...

– Девочку?! И это говорит мужчина... А я сына, похожего на тебя...

Глава четвертая. Счастье кончилось

ЧИМГАН, КАЗБЕКИСТАН, ЛЕТО 1978 г.

Пионерский лагерь. Панорама гор, коттеджей, бассейна. Молодой мужчина с девчушкой около трех лет в окружении пионеров. Вместе с детьми их вожатая – девушка, чуть старше своих воспитанников, ее очень трудно отличить от ребят, она в такой же парадной форме – темная юбка, белая блузка, пионерский галстук. Мужчина – отец ребенка, в руках у него фотоаппарат, он фотографирует дочь.

Вспышка. Стоп-кадр: Надя – так зовут малышку – на руках у пионеров.

Вспышка. Стоп-кадр: Надя с вожатой.

Вспышка. Стоп-кадр: Надя купается в бассейне. Лена – вожатая, – рядом, страхует ее. Крики ребят: «Надя, Надя!»

Вспышка. Стоп-кадр: Надя на ослике. Ребята держат осла, Лена – Надю.

Отряд идет в столовую. Позади всех Виктор, его дочь и вожатая. Лена спрашивает:

– Виктор Евгеньевич, а что ваша супруга не приезжает к нам в гости, навестить вас и Надю?

– Она в Крыму, в санатории отдыхает.

По лагерю включается громкая связь. Голос радиста:

– Внимание по лагерю! Старший воспитатель, Виктор Ев-

геневич, подойдите к начальнику лагеря! Повторяю...

Виктор приседает на корточки перед дочерью, берет ее на руки:

– Надюша, иди в столовую вместе с тетей Леной, она тебя покормит, хорошо?

– А ты пошел работать?

– Да, я пойду работать.

Надя машет отцу рукой:

– Папочка, мы пошли кушать с тетей Леной! Приходи скорей...

Вспышка. Стоп-кадр: Лена с Надей поднимаются по дорожке в столовую. Виктор машет им.

КРЫМ, АЛУШТА, ЛЕТО 1978 г.

Бирюзовое море в лучах заходящего солнца. Двое – молодая женщина и парень спортивного телосложения целуются под тентом. Те же двое в гостиничном номере. Полуоткрытое окно. Мягкий свет бра у раскрытого дивана. Татьяна, это жена Виктора, обращается к своему спутнику:

– У нас с тобой прямо по Евтушенко. Помнишь? «Постель была расстелена, она была растеряна и спрашивала шепотом: «А что потом? А что потом?»» Разница лишь в том, что я знаю, как бывает потом... Ну, почему ты молчишь?! Скажи

лучше сразу – нет! Не нужна мне чужая жена да еще с ребенком впридачу...

Сергей озадаченно:

– Нет, но...

– Вот видишь, но... Танцевать, целоваться при луне – пожалуйста, объясняться в любви – запросто, предлагать идти замуж – когда изволите, а как узнал, что я еще не развелась со своим сухарем, про дочку узнал – на попятную. Трус!

Сергей подходит к Татьяне, трясет ее за плечи:

– Боюсь только одного: однажды ты изменишь мне, как сейчас изменяешь Виктору.

– Ты же его в глаза не видел. Он хорошо и красиво умеет только говорить, профессия такая, учитель, историк. Не могу я с ним больше, понимаешь, не могу, как увидела тебя, решила, вот оно, счастье мое...

Она обнимает Сергея, целует его, начинает раздеваться, увлекает за собой в постель.

НОНКЕНТ. ОСЕНЬ 1978 г.

Старый, одноэтажный среднеазиатский город, каким мы привыкли видеть его до землетрясения 1966-го года. Дома, построенные еще до октябрьской революции. У одной из калиток старенькое такси, «Волга-ГАЗ-21». По узкой улочке

возвращается домой Виктор. Он только что из школы, в руках – набитый бумагами портфель, сетка с кефиром, хлебом, свертками с продуктами. Виктор входит в калитку, в дом. Обстановка квартиры ничуть не изменилась за многие годы. Более современным стал только телевизор. Очень много книг и журналов. Все остальное по-прежнему: мебель старая, кровати железные, никаких ковров, гарнитуров. На шею Виктора бросается дочка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.